

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ ХVII

К 556/38г.

— Как трудно укрыться от этого беспокойного и яркого источника света! Он озаряет наши лица и руки!

Рис. Л. Генчев

Рис. И. Семенова

Тарас Шевченко

Из прошлого

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
И унтер пьяный Долгорукий
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили —
Изрядно в рекруты забрали
Людей сатрапы-унтера.
А всех усерднее Гаврилыч:
С меньшим ефрейтором своим,
Отменно шустрым и лихим,
Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Муштровкою и всем другим,
И «благосклонно пребывали»
Всегда к ефрейторам своим.
А мы смотрели и молчали,
Скребли в смущении чубы,—
Немые подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного. Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились, брата.
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона?
Авось, дождемся, будем ждать!
Не сотни вам, а миллионы
Полян, дубов и дравлян
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших чинных киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап-капрал,—
Вам гори мало! А меж вами

В этом стихотворении Тарас Шевченко гневно обвиняет царя Николая Первого и его сатрапов, душителей украинского народа генерал-губернатора Юго-Западного края Бибикова (Гаврилыч Безрукий), генерал-губернатора харьковского и черниговского Долгорукова (пьяный унтер Долгорукий), правителя канцелярии киевского генерал-губернатора Писарева (малый ефрейтор) и российских и украинских либералов «царских». Писарева в бытность его вологодским гражданским губернатором побил в церкви один чиновник.

Нашелся все же некий малый,
Такой чудако-оригинал,
Что в морду залезил капралу,
Да прямо в церкви. И пропало,
Как на собаке!
Тогда бы на него и вам,
Неумным, с вилами подняться,
А вы стухнули.

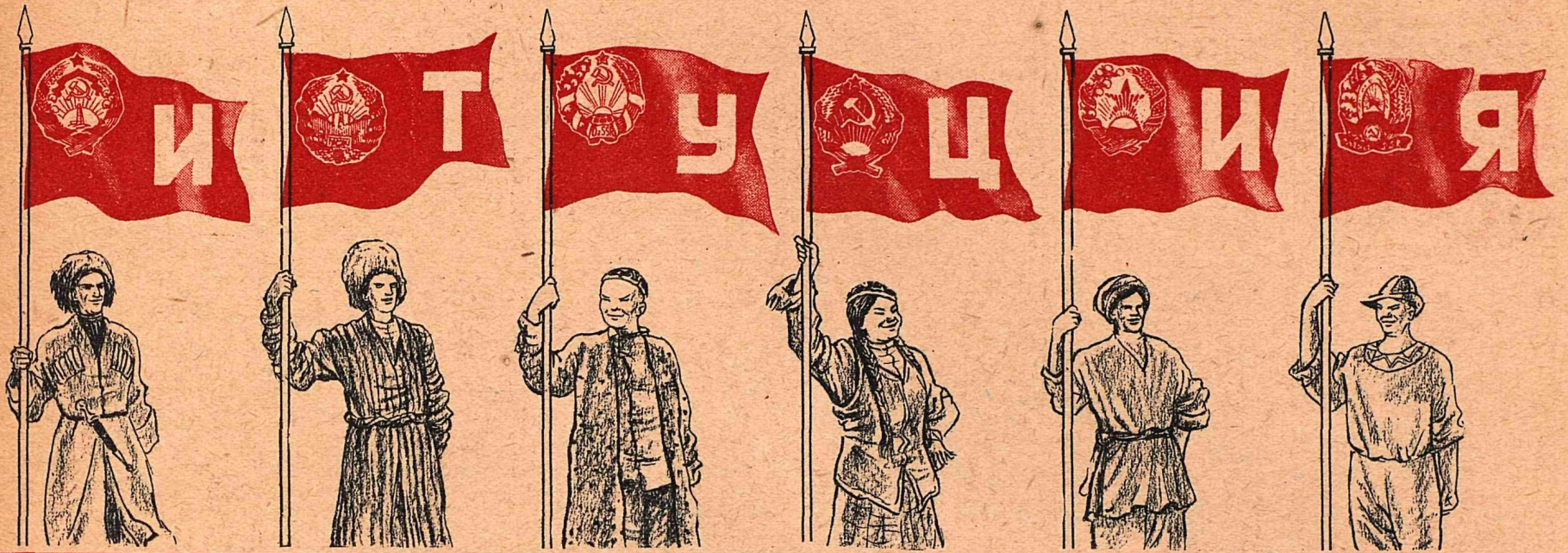
Так-то, так!
Нашелся все ж один козак
Из миллиона свинопасов,
Что всю империю смутил,
Сатрапу в морду закатил.
А вы, лакействуя, тем часом,
Покуда мучился капрал,
Вы объявили юридическим
Святого рыцаря. А бывший
Фельдфебель ваш, Сарданапал,
Послал на каторгу святого,
А для небитого седого
Сатрапа «вечно» пребывал
Прѣблагосклонным..

И другого

Не вышло ничего. И драму
По темным закоулкам прямо
На свалку вынесли. А я,
О ясная звезда моя!
Меня из пут освобождай,
Ведешь в застенки Николая
И светишь и горишь над ним
Огнем невидимым, святым,
Животворящим. В смрадном ламе
Встают передо мной столпами
Его безбожные дела.
Безбожный царь, ищаще зла,
Гонитель правды, кат жестокий,
Что натворил ты на земле?
А ты, всевидящее око!
Куда смотрел твой взор высокий,
Когда толпой в оковах гнали
В Сибирь невольников святых,
Когда терзали, распинали
И вешали... А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло... Око, око!
Не очень смотришь ты глубоко.
Ты спишь в кювете, а царь—
Да чур им, тем царям прожженным.
Пусть тешатся кандалным звоном.
Я думой полечу в Сибирь
И в Забайкалье; гляну в горы,
В вертепы темные и норы
Без дна глубокие, и вас,
Поборников священной воли,—
Из тьмы, из смрада, из неволи,
Царям и людям напоказ,
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах.

Перевел с украинского
А.Л. СУРКОВ

СТАПИНСКАЯ

Сюрприз

КОЛХОЗНАЯ СКАЗКА

ВОЗЛЕ самого гая, у шляха, сливались земли двух колхозов. Луша поднимала зябь по эту сторону шляха, а Грицко — по ту. Луша не хотела, чтоб ее обгонял Грицко, а Грицко не хотел, чтоб его обгоняла Луша. И они вели тракторы рядом. Как-то на повороте Луша крикнула:

— Грицю, заспивай песню!

Грицко давно любил Лушу, и он запел. Потом Грицко поднимал зябь по ту сторону шляха, а Луша — по эту.

Поздно вечером Луша и Грицко расстались.

По эту сторону гая в председателях колхоза ходил Иван Семенович, и Луша встретила с ним около правления. По ту сторону гая председательствовала Феня Поликарповна, и Грицко встретился с нею тоже около правления.

— Иду замуж, — сказала Ивану Семеновичу Луша.

— Женюсь, — сказал Фене Поликарповне Грицко.

— Хвалю, — ответил Иван Семенович.

— Добре, — ответила Феня Поликарповна.

Иван Семенович любил Лушу, как родную дочь. Феня Поликарповна любила Грицко, как родного сына. Иван Семенович по эту сторону гая, а Феня Поликарповна по ту сторону гая, а Луша и Грицко по обе стороны гая. И они стали выпытывать, что и как, а пообещали отпраздновать свадьбу на славу.

«Треба посоветоваться с соседкою, — подумал про себя Иван Семенович. — Она больше разбирается в этих справах: женщина».

«Поеду до соседа, посоветуюсь, — думала Феня Поликарповна про себя. — Может, он что и придумает: мужчина».

И как раз возле гая, на стыке колхозных полей, встретились.

— А я до тебя, Феня Поликарповна, — Иван Семенович поздоровался, разглядел густую бороду и придержал коней.

При свете месяца Феня Поликарповна показала Ивану Семеновичу прекраснее всех полтавских красавиц.

— Предвидится свадьба, — с гордостью поведал Иван Семенович.

— Не задавайся, мил человек, — поспешно ответила Феня Поликарповна. — Я тоже с тем же делом. Кого ж ты выдаешь?

— Лушу. А ты?

— Грицко.

— Выходит... — у Ивана Семеновича даже екнуло сердце.

А Феня Поликарповна быстро нашлась:

— Я уже им у себя и хату приметила.

Иван Семенович встрепенулся:

— Подожди, Феня Поликарповна. Я, может, им хату раньше подшукал. Грицко перейдет жить до нас...

— Ни за что на свете, Иван Семенович. Это Луша перейдет жить до нас.

— У меня им краше будет!

— Так ты, может, согласна сказать, что у меня им горше будет? Гляди, Феня Поликарповна, я могу обидеться.

Но Феня Поликарповна не отступала:

— У меня ж и кино есть.

— А то у меня нема? Все боевики показываются.

— Опять же библиотека.

— Скажите на милость!

— У нас трудодень богаче.

— У нас тоже небедный. Не задавайтесь, Феня Поликарповна.

— От нас до станции ближе, — доказывала Феня Поликарповна выгоды для молодых в ее колхозе.

— У нас кони добрые, — не сдавался Иван Семенович.

— Мы на свадьбу из Полтавы оркестр запросим...

— Это у меня и в книжечке записано.

— Драмкружок подготовит...

— Веселую комедию? — подхватил Иван Семенович. — Уже предусмотрено.

Феня Поликарповна не стерпела:

— Это что ж, принцип, Ваня? — вскрикнула она.

— Из любви, Феня, — тихо молвил Иван Семенович.

Феня Поликарповна была женщиной решительного склада. Она слезла с брички.

— Слазь! — приказала она Ивану Семеновичу. — Предлагаю выстроить молодым хату возле самого гая. Между двух колхозов. Чтoб ни по ту сторону, ни по сю сторону. Посередине. Двумя окошечками до тебя, двумя до меня.

— Это толково. Принимаю твою пропозицию. Хай им возле гая соловьи спивают. — Иван Семенович подумал и добавил: — Может, так, чтоб молодые не знали?

— Это толково, — согласилась Феня Поликарповна. — Сюрприз!

Скоро хата была готова. Белая, опрятная, с двумя окнами к Фене Поликарповне и двумя — к Ивану Семеновичу. Они же обставили хату своей мебелью и украсили рушниками, а Феня Поликарповна кроме того перетащила свой сундук и поставила под окном на своей стороне.

А молодые кончали поднимать зябь. Луша

вела трактор по эту сторону шляха, а Грицко — по ту. И оба они шли передовиками. На их тракторах трепетали красные флажки — знак победы. На поворотах они встречались. Тогда и по ту и по эту сторону гая звучала их песня. И Луша и Грицко пели про Дальний Восток.

Скоро для обоих колхозов подошел большой праздник. Возле самого гая встретились две колонны с красными знаменами. Иван Семенович и Феня Поликарповна обменялись рапортами об окончании подъема зяби. Тут же разнеслась молва про свадьбу Луши и Грицко. Иван Семенович и Феня Поликарповна приглашали гостей. Они стояли друг возле друга и кланялись во все стороны. О новой хате для молодых держали в секрете, для сюрприза.

Свадьбу начали гулять по эту сторону гая, а под вечер перешли по ту сторону.

Иван Семенович посоветовался с Феней Поликарповной и уже приготовился раскрыть сюрприз, да на скамью вскочил Петрусь — всем известный краснобай. Он говорил горячо и убедительно, не замечая, как бледнеют и мрачнеют Иван Семенович и Феня Поликарповна.

— Наши дорогие молодые, — говорил Петрусь, — Луша и Гриць, вставшие отныне на правильный путь сознательного строительства новой семьи, ровно через час уезжают. Им предстоит дальняя радостная дорога на Дальний Восток, так как Луша приняла призыв и стала хетатуровкой. Це така дивчина! А Гриць не схотел расставаться, як он ее муж, и присоединился к предыдущей, с чем мы их и поздравляем на новом пути. Попросим же у наших председателей коней и поедем же их провожать!

Речь Петруся произвела огромное впечатление. Иван Семенович и Феня Поликарповна были ошеломлены.

Луша и Грицко ехали впереди, а перед ними, погрузившись на арбу, гремел полтавский оркестр. Иван Семенович сидел на бричке молчаливый, а Феня Поликарповна плакала украдкой и успокаивала его.

Этой же осенью они поженились и поселились в новой хате близ гая. Иван Семенович руководил по эту сторону гая, а Феня Поликарповна — по ту.

По вечерам они сидят на завалинке, слушают радио и ждут писем от Луши и Грицко.

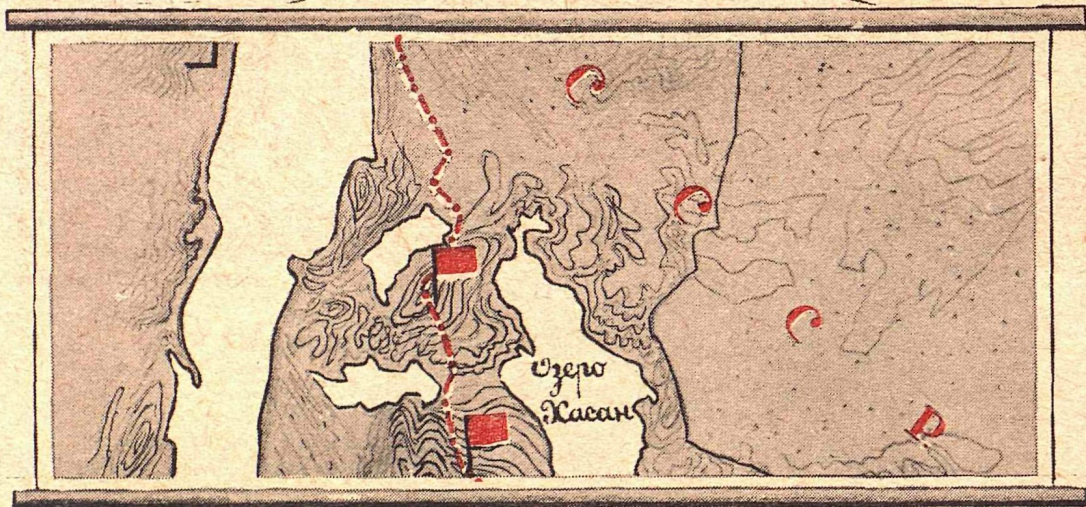
ЛЕОНИД ЮХВИД

Перевел с украинского
Е. ЕФРЕМОВ

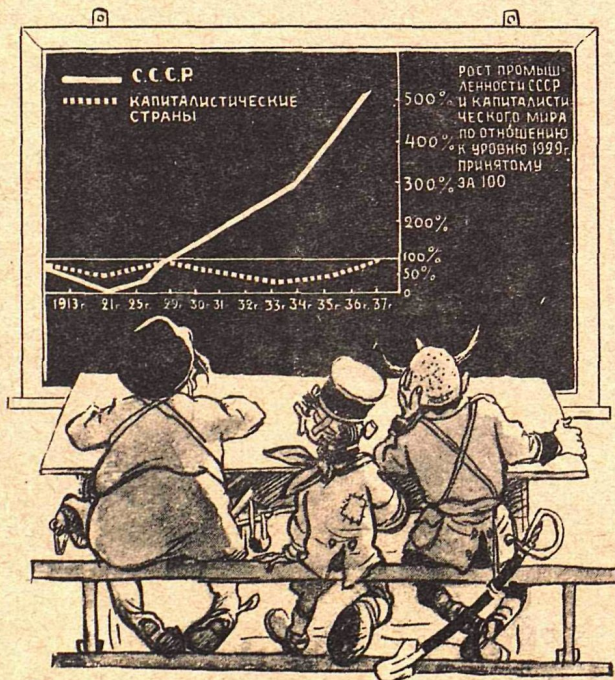
Рис. И. Семенова

История.

География.

Арифметика.

На каланче

ЯСНЫЙ осенний день. На сельской каланче, устроенной над пожарным сараем, сидит дед Игнат, посасывая потухшую обгоревшую трубочку. Еще тепло, но Игнат в валенках и овчинной шубе. Рядом с ним стоит его внук Афонька. По мнению Афоньки, лето еще продолжается, поэтому на Афоньке только розовая рубашка и широкие штаны, а ноги босые. Игнат исполняет обязанности дежурного на пожарном дворе, но так как глаза его слабы, то вместо бинокля он держит при себе Афоньку, который с каланчи может пересчитать всех гусей, плавающих на пруду.

Игнату шестьдесят восемь лет, Афоньке не вышло еще восьми, поэтому его нынче не приняли в школу. Огорченный отказом, Афонька целый день плакал, но потом утешился, так как дед обещал взять его на каланчу.

Каланча напоминает гнездо аиста: тесный помост с барьером вокруг, покоящийся на четырех столбах. Она значительно ниже липы, которая растет рядом, однако и с этой высотой Афоньке кажется, что весь мир лежит где-то глубоко внизу; и земля, и куры, и пруд с гусями, и вся деревня с ее бесчисленными крышами,— а в вышине только он, Афонька, да дед, и эта мысль наполняет его чувством гордости и самодовольства.

«Бинокль» внимательно разглядывает улицу, стережет каждый дымок, регистрирует каждое событие.

— Митрофанова Жучка побежала на пруд... Пить захотела. Захочешь, раз у ней пять щенков. Все лежит и лежит. А они вон какие пузатые, всю ее высосали...

Афонька вдруг вспоминает, что ему тоже нужно выпить. Он быстро сбегает по крутой лестнице, каланча скрипит, вздрагивает, и дед Игнат, очнувшись от забытья, кричит:

— Легче ты, постреленок! Вона как раскачал!

В сарае стоят две лошади в хомутах: Грач— вороной конь с обкусанным ухом — и Белка — серая, в темных крапинках вислоухая кобыла. Они отслужили свой конский век и теперь зачислены в пожарный обоз. От безделья они растолстели, но аккуратно с'едают все, что им приносит Игнат. Глядя на них, Афонька тоже все время что-нибудь жует.

Пока Афонька очищает ножом капустную кочерыжку, Грач и Белка выжидательно смотрят на него, пошлепывая отвисшими губами, чуть приподняв вялые уши, как бы спрашивают: «Ну, где же твой пожар, Афонька? Хотя бы немного размяться, что ль!» Афонька хорошо понимает лошадиную речь. Он становится одной ногой на кормушку, а другую закидывает на спину Грача и торжественно выезжает из сарая. Белка следует за ним, как собачонка.

Афонька колотит пятками по тугому животу Грача. Конь размашисто бежит, подкидывая Афоньку; он взлетает, вытянув вперед ноги и ритмично взмахивая согнутыми в локтях руками. Накатавшись, он подкладывает лошадям сена и снова взбирается на каланчу, в руках у него большой кусок ржаного хлеба, густо посыпанный сахарным песком.

— Свежий-то хлеб, душистый,— замечает дед Игнат.— А нам, бывало, свежего не давали. На две недели напекали зараз. Завсегда ели черствый...

— А зачем черствый?— недоумевает Афонька, уплетая хлеб.

— А чтобы меньше хлеба расходилось. Мягкого-то с'ешь больше, а черствый, он тебе в горле, бывало, колом станет, оно и выгодней. Мягкий по праздникам ели.

— По праздникам с мясом варили?— допытывается Афонька: ему хочется, чтобы дед рассказывал дальше.

— Мясо...— дед качает головой и смотрит на Афоньку с тем выражением, с каким обычно смотрят на человека, сказавшего несусветную чепуху.— Пошли мы это раз на свадьбу. Панаса женили, который нонче помер... Да-а... Пошли, стало быть, мы, и дед с нами, Прокоп. Он с печи не слезал, слаб был, а как услышал, что на свадьбу, то враз и ноги пошли, потому на свадьбах завсегда мясо варили. Захотелось Прокопу мяса поесть. Пришли мы, сели за стол, а у деда Прокопа зубов-то не было, так, один спереди торчал, да и тот шатался... Ну, стали есть мясо. Прокоп

ухватил большущий кусок и давай его жевать, а жевать-то нечем, он и глотнул... Да-а, глотнул, стало быть. А я рядом сидел. Только чую: схватил он меня за руку, а сам весь синий стал, как чугунок, потный... Рукой на затылок показывает, а сказать ничего не может, все рукой на затылок показывает: «Бей, мол, поскорей меня по загривку». Вижу я, конец сейчас будет деду: мясом подавился. А я сильный тогда был, не то что теперь, размахнулся я кулаком, да ка-а-к двинул вот в это место... — Игнат ребром ладони стучит себя по затылку и умолкает на самом интересном месте.

Афонька смотрит на деда Игната широко раскрытыми глазами, сахарный песок сыплется на пол, потому что рука Афоньки дрожит, как от озноба.

— Да-а... Двинул я его по загривку. Мясо на стол и выскочило. Тут он перевел дух и говорит... — Игнат вдруг тревожно вскакивает и, приложив руку ко лбу, смотрит вдоль улицы. — Никак, дым? Погляди-ка...

— Это не дым, а пыль, — спокойно говорит Афонька. — Это наша пятитонка идет... Свеклу везут.

— Вот, пес их возьми, ничего не видят, — смущенно бурчит дед, протирая глаза. — Ты, Афонька, хорошенько гляди... А то пыхнет — и поминай как звали. Сушь ночью стоит...

Игнат набивает трубочку махоркой. Афонька с нетерпением ждет продолжения рассказа, но, видимо, какие-то другие мысли у деда: он озабоченно оглядывает деревню, шурится.

— Я вот таким был мальчонкой, как ты... Пожар случился у нас. А через что? Пошли мы в церкву на страстной неделе, на страсти...

— Какие страсти? Страшно было? — перебивает Афонька.

— Обыкновенно, страсти, ну, называлось так...

— Пожар! — вдруг вопит Афонька визгливым от страха и нескрываемой радости голосом так оглушительно, что дед роняет трубку. — Се... се... семен... Семеновы горят! Новый дом горит...

Густыми белыми клубами выбивается дым из раскрытых дверей новой избы и заволакивает крышу.

С криком «Пожар!» Афонька скатывается по лестнице; тревожно грохочет крыша под его ногами; кони наострили уши.

— Давай дугу! — командует дед Игнат, заводя Белку в оглобли.

Афонька подбегает с дугой. Его трясет от волнения, он никак не может взобраться на сиденье пожарной бочки.

— Гони! — кричит дед Игнат. — Я за тобой...

Афонька дергает вожжи так сильно, что голова Белки вскидывается к самой дуге. Из бочки выплескивается вода, окатывая спину Афоньки, но он ничего не чувствует. Нахлестывая Белку вожжами и кнутом, он гонит лошадей галопом. Из домов выбегают встревоженные люди и первым делом оглядываются, отыскивая дым, потом стремительно бегут по улице туда, куда мчится Афонька.

Дед Игнат догоняет его на Граче; конь дышит с присвистом, широко раздувая оранжевые ноздри.

— Семеновы! — кричит дед, помахивая кнутом. — Семеновы!

И люди уже знают, что горит семеновский дом.

Вот и дом Семеновых. Попрежнему клубами валит из дверей дым. Афонька с хода лихо осаживает коня у самого крылечка. Сзади раздается сиплое дыхание Грача. На завалинке сидит сам Софрон Семенов и спокойно покуривает.

— Что у тебя горит-то? — уже неуверенно спрашивает Игнат. — Дыму сколько...

— Да это невестка белье бучит. Пару нагнала.

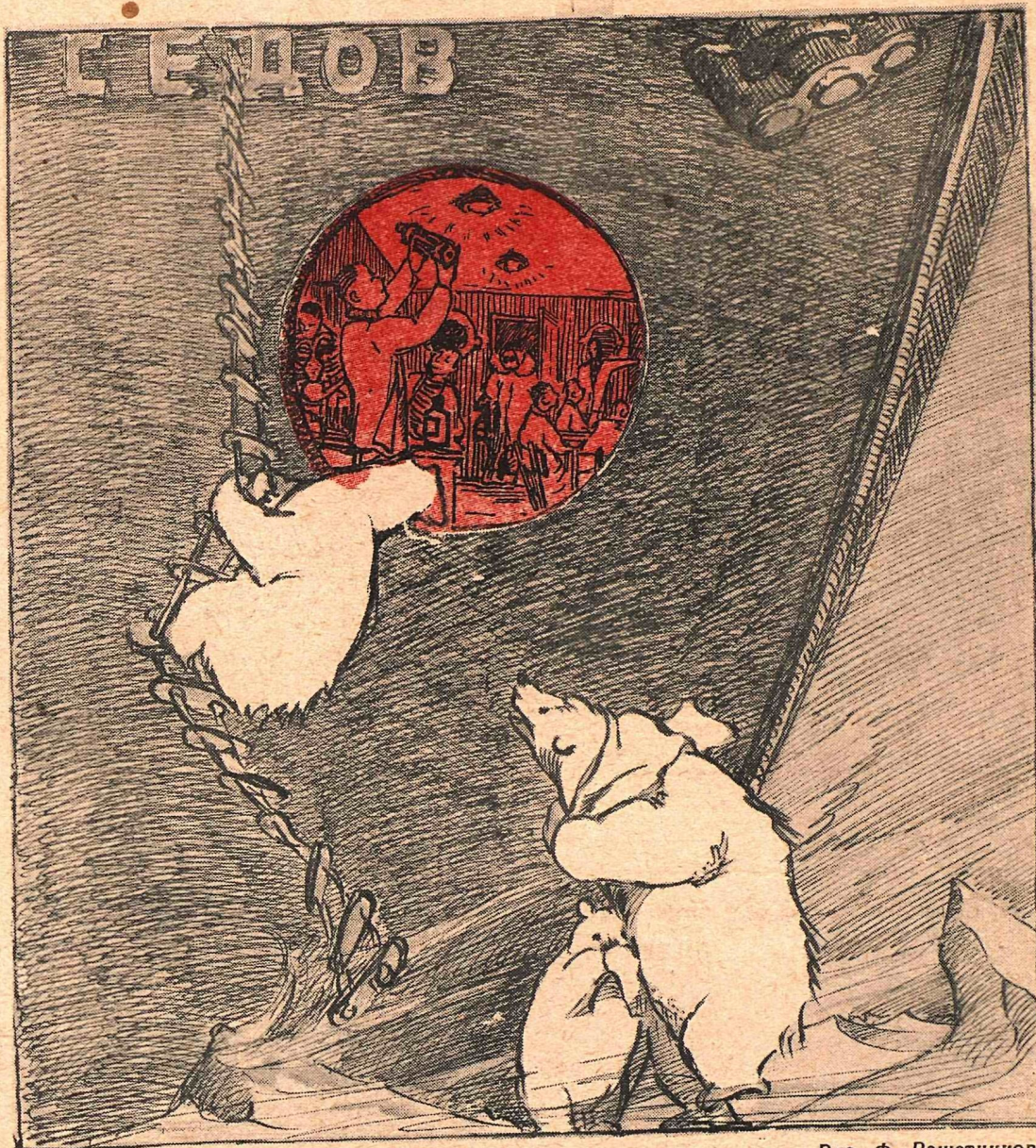
Дед Игнат сконфуженно влезает на бочку. Афонька только теперь чувствует, что весь он мокрый, и, зябко поеживаясь, заворачивает Белку.

Назад они едут шагом, сопровождаемые хохотом толпы.

Дед Игнат шарит по карманам, разыскивая трубку, никак не может найти ее и, сокрушенно качая головой, говорит по адресу Афоньки:

— Эх, ты-ы... бинокля!

В. ИЛЬЕНКОВ

ЗАВИСТЬ

Рис. Ф. Решетникова

— Вот живут люди!.. Прямо зависть берет!..

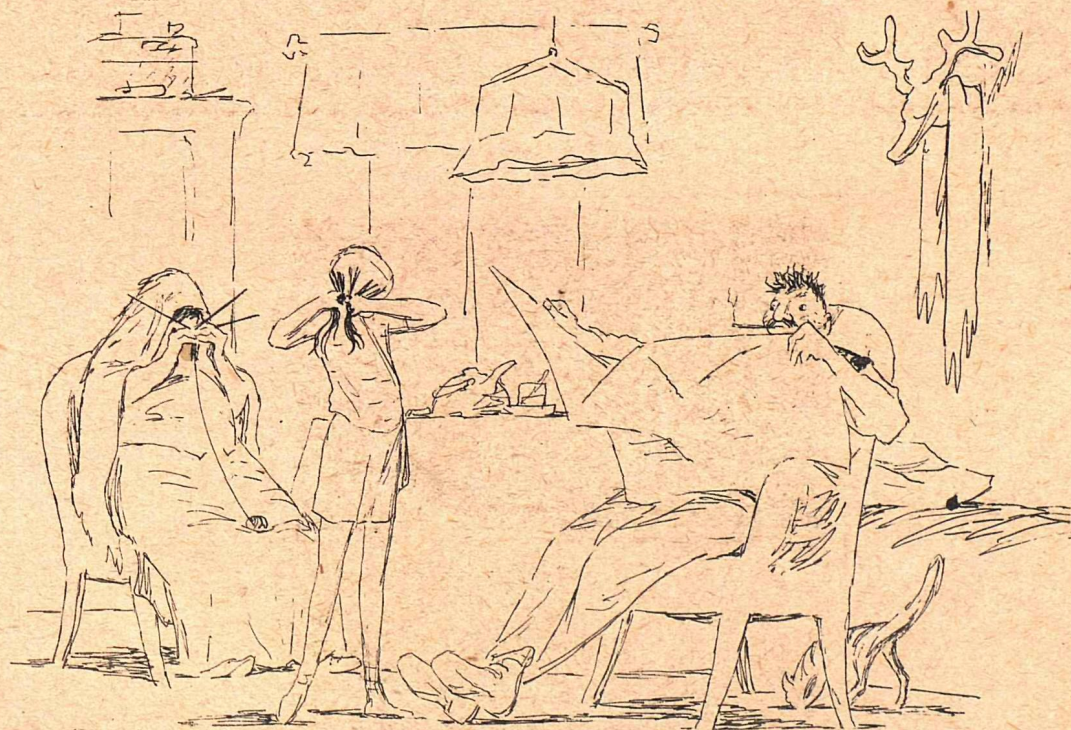

Рис. Л. Сойфертиса

ЕСЛИ БЫ ЗНАЛ КОЛУМБ...

- Папа, когда Колумб привез картофель из Америки?
- Лет четыреста назад.
- И ты до сих пор не успел найти сухой, теплый подвал?!

Приказы,

достойные попасть в Крокодил

ПРИКАЗ № 50

ПО ТЕРБУНСКОЙ РАЙОННОЙ КОНТОРЕ (Курск. обл.) ЗАГОТСКОТ 1938 г. 14/IX.

Ст. бухгалтер Кириллов Ст. Ив. в работе стал проявлять холатность и глубину в отдельных случаях, как к управляющему, так и к другим лицам, пример:

управляющего райконторой т. е. меня не считает нужным признавать, как личность административная и отвечающая за все производство райконторы и базы с самой бухгалтерией...

...О приобретении для конторы канцелярских предметов, он не считает своей обязанностью и если его ребенок разбил окно, то он тоже иронически посмеиваясь смотрит опять на управляющего, как на лакея, он дескать должен тоже вставить окно, а в банке ссора с техническими лицами за оформление бухгалтерское вошло в систему, как обязательная ссора всегда и почти ежедневно... Счевидно Кириллов сделался таким потому, что управляющего он считает приятелем, за то, что иногда с ним приходилось вместе обедать и были случаи выпивали по сто грамм водки, а если это так, то на первый раз за все это выношу выговор Кириллову Степану Ивановичу, как приятелю и предлагаю личную жизнь не применять к службе, в будущем.

Управляющий ПРАВЕДНИКОВ

ПРИКАЗ № 46-а

ПО ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНТОРЕ ЗАГОТЗЕРНО

13 августа 1938 года.

§ 1

На основании ряда обследований баз заготзерно, вверенной мне по Ферганской области о невыполненных данных указаний и распоряжений, как спущенных директивных писем, приказов, все-же на сегодняшний день со стороны отдельных управляющих, техноруков, качественного аппарата, прорабов по строительству и начальников охраны, все-же не оправдывают выполнение, как-то: по борьбе с зараженностью хлеба, правильного размещения с/х. продукции о выполнении срока своевременного строительства, а также выполнение противопожарных правил — это говорит за то, что... отсутствие твердого учета поступающей продукции по зараженности, а также отсутствует своевременное представление с Вашей стороны всех требующихся сведений и отчетность, чем явно доказывается Ваше нежелание о выполнении...

За допущение невыполнения указаний нераспорядительности со стороны Управляющего Кокандской базы тов. Юлдашева допущено и не уделено внимания в росте строительства по своим объектам и бездействие прораба Усанова и несвоевременное принятие к нему мер чем допущены сроки нарушения строительства. За такое поведение и неумелое руководство, а главное допущение простоя вагонов, имея политическое значение по транспорту и допущение штрафной политики, выражающейся в сумме 53000 руб. тов. Юлдашева от занимаемой должности Управляющего МРБ-азы г. Коканда освободить, с переводом на вторую Кокандскую базу в той же должности.

§ 3

Прорабу Усанову предлагается безоговорочно провести строительство в намеченные сроки, за допущение невыполнения и срыва строительства дело будет рассматриваться в уголовном порядке, с применением метода вредительства...

Уполномоченный облазготзерно по ферганской области

ЧЕРЕДНИКОВ

На колхозный базар в Ирбите (Свердловской области) колхозники обычно приезжают еще затемно, но базарная площадь не освещена. Экономя электроэнергию, Ирбитский городской совет лишил базар фонарей.

На снимке: ирбитский базар. Сидят (слева направо): председатель Ирбитского городского совета Алексеева, секретарь городского совета Гусев, заведующий торговым отделом Лавелин, заведующий коммунальным отделом Варламов. Стоят (слева направо): члены президиума городского совета Фуфаев, Спириин, Скопин, Тепленичев. Вдали — колхозники, приехавшие на базар. Ничего не видно, потому что снято на ирбитском базаре.

Жрец огня

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Николай Григорьевич Любимов, заведующий
1-м почтовым отделением Ленинграда.
Сотрудники 1-го почтового отделения.

I

Заведующий (вбегая). Беда, пожар!
Сотрудники (вскакивая). Где пожар?
Заведующий. У меня в груди пожар: к нам приехало начальство из Москвы!
Сотрудники. Ну и что же?
Заведующий. Как так? А если начальство увидит беспорядок?
Сотрудники. У нас беспорядка не наблюдается.
Заведующий. Оптимисты! А газеты?
Сотрудники. Какие газеты?
Заведующий. Недоставленные газеты. Вон в углу лежит целая гора!
Сотрудники. Действительно!

II

Заведующий (вбегая). Он здесь!
Сотрудники. Да вы не волнуйтесь, Николай Григорьевич. Все обойдется.
Заведующий. Вам хорошо. А как вы мне? Впрочем, идея! Газеты надо сжечь.
Сотрудники. Неудобно как-то...
Заведующий. Вам неудобно. А мне удобно. Прелюк, разжигайте печку.
Прелюк (нехотя поднимаясь). Влетит нам с вами, Николай Григорьевич.
Заведующий. Кто здесь заведующий? Вы или я? Сопротивления не потерплю.

III

Заведующий. Ну, как? Полыхает?
Сотрудники. Полыхает. Только вот «Пищевая индустрия» плохо горит.
Заведующий. Понятно. Воды много. Прибавьте «Вестник Ленсовета». Сухое издание. Живо загорится. Сколько у нас газет, не доставленных подписчикам?
Сотрудники. Тысяч пять будет...
Заведующий. И какого чорта люди так много газет выписывают?!
Сотрудники. Где же товарищ заместитель наркома?
Заведующий. Ходит поблизости. Жмите! Налегайте! Старайтесь!
(В печке шумит пламя, в пламени — газеты: «Пищевая индустрия», «Финансовая газета», «Строительный рабочий», «Ленинградская правда», «Красная звезда», «Вестник Ленсовета», — своевременно не доставленные подписчикам по вине 1-го почтового отделения).

IV

На другой день
Заведующий. Ну, друзья, опасность миновала. Товарищ заместитель наркома отбыл в Москву, не зайдя к нам. Тревога оказалась ложной. Вдохнем, друзья, полной грудью.
Сотрудники. Вдохнем. Только, пожалуйста, зря мы газеты сожгли. Нехорошо как-то!
Заведующий. Почему нехорошо? Очень даже хорошо! А кому нехорошо, тот может — того... Товарищ Логинова, вам нехорошо?
Логинова. Не по себе.
Заведующий. Ну и прекрасно. Подайте заявление об увольнении. Товарищ Прелюк, вам нехорошо?
Прелюк. Да я уж и не знаю...
Заведующий. То-то! В моем учреждении всем должно быть хорошо. Не люблю видеть вокруг себя унылые лица.

V

Заключение

Заведующий (в домашней обстановке, в кругу интимных друзей). Понимаете, случай прямо по Гоголю. Приезжает к нам ревизор, да еще с секретным предписанием. Ну, вот я и решил: сожгу газеты. И, понимаете, сжег! Сжег и пришел к выводу, что это отличный способ поправлять дела почтового отделения. Логинову же уволил: пусть не препятствует... Сегодня я обнаружил, что у меня завалились не только газеты, но и журналы. Вы думаете, я растерялся? Нисколько! Решил сжечь. Огонь — благородная стихия! Я с некоторых пор огнепоклонник... Жрец огня!

Н. КРУЖКОВ

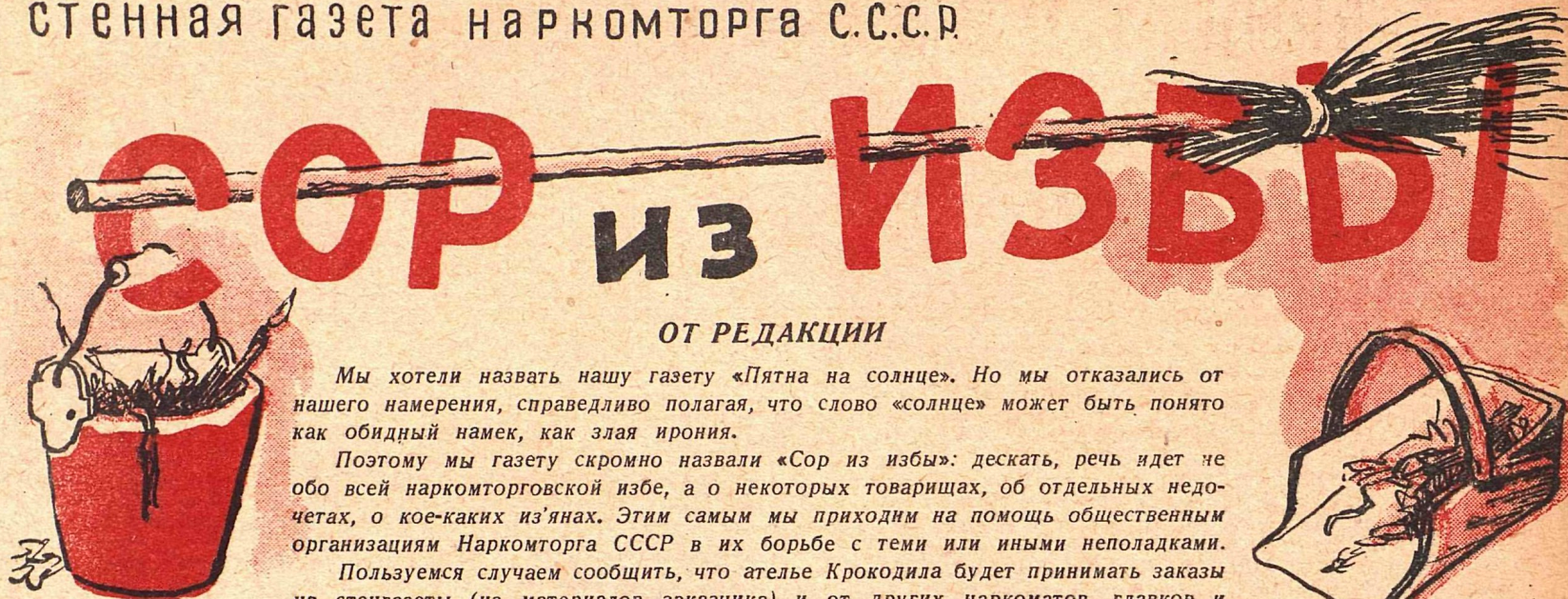
Районные отделы народного образования отрывают сельских учителей от работы частыми вызовами на совещания.

Рис. Л. Бродаты

ВОТ ТО-ТО И ОНО-ТО!

— Кто тебя все-таки постоянно отрывает от работы?
Вероятно, она?
— Увы, к сожалению, ОНО.

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы хотели назвать нашу газету «Пятна на солнце». Но мы отказались от нашего намерения, справедливо полагая, что слово «солнце» может быть понято как обидный намек, как злая ирония.

Поэтому мы газету скромно назвали «Сор из избы»: дескать, речь идет не обо всей наркомторговской избе, а о некоторых товарищах, об отдельных недочетах, о кое-каких изъянах. Этим самым мы приходим на помощь общественным организациям Наркомторга СССР в их борьбе с теми или иными неполадками.

Пользуемся случаем сообщить, что ателье Крокодила будет принимать заказы на стенгазеты (из материалов заказчика) и от других наркоматов, главков и трестов.

СТРАННОЕ происшествие

ОДНАЖДЫ...

Однажды среди бела дня в центре Москвы были утеряны две союзных республики: Узбекистан и Армения.

Это странное происшествие случилось недавно в Народном комиссариате торговли СССР.

Недостача была обнаружена на улице Кирова, 43, где помещается Наркомторг, а в Большом Черкасском переулке, 15, где находится Силикатно-метизно-москательное объединение Центросоюза (в дальнейшем именуемое СММО).

Так вот один из работников СММО сделал следующее открытие: Узбекистан на целых три месяца оставлен без новой посуды.

Надо поскорее исправить ошибку. СММО пишет в Наркомторг заместителю наркома тов. Шарову: «Случилась такая-то неувязка. Проси немедленно написать Укрфарфорфаянсбыту, чтобы он послал посуду в Ташкент. При сем прилагаем проект телеграммы вышепоименованному Укрфарфорфаянсбыту».

Проходит день, два, пять. Промелькнуло десять дней. Тов. Шаров не спешит. Он не подписывает телеграмм.

Тогда из Большого Черкасского переулка, 15, где находится СММО, отправляется депеша на улицу Кирова, 43, где помещается Наркомторг СССР.

В депеше слезно умоляют тов. Шарова, чтобы он подумал об Узбекистане.

Тов. Шаров подумал. И подписал.

А В ЭТО ВРЕМЯ...

А в это время другой работник СММО сделал новое открытие: исчезла Армения.

Надо поскорее исправить ошибку.

Пишут в Наркомторг, тов. Шарову.

Тов. Шаров не спешит.

Ему шлют новую депешу, в которой умоляют, чтобы он подумал об Армении.

Короче говоря, тов. Шаров получил депешу и подумал.

Короче говоря, тов. Шаров под конец все-таки вспомнил об Армении. Ну, спасибо!

ПРОХОДЯТ ДНИ...

Проходят дни и месяцы. Близится новый хозяйственный год.

Заблаговременно шлем работникам Наркомторга наши сердечные новогодние пожелания.

И первое пожелание:

— Берегите наши замечательные республики. Не забывайте о них. И кроме всего прочего не обременяйте телеграф депешами...

Чуткий

НЕ НАДО ВСТРЕЧ...

(Плановый романс)

На далекой зимовке, возле устья Игарки,
Ледяное сиянье нас приводит в восторг.

Много тапочек легких, много трусиков ярких,
Много плавок и маек шлет туда Наркомторг.

Не надо встреч, не надо засыпать.

О Наркомторг, клянусь тебе, не стоит!

И если план такие шутки строит,
Заставь его застыть и замолчать!

Возле Черного моря, в субтропической дали,

Вид груженных вагонов только стоны исторг:

Поезда апельсинов разгружали печалью,
Выгружали инжир, что прислал Наркомторг.

Все по точному плану, по намекам бесспорным.

Почему ж адресаты ощущают тоску?

И ненужные грузы возвращают упорно,

Посылая протесты Наркомторгу Москву!..

Не надо встреч, не надо засыпать.

О Наркомторг, клянусь тебе, не стоит!

И если план такие шутки строит,
Заставь его застыть и замолчать!

Торговая точка

ВОЛНУЯСЬ, НО НЕ СПЕША

Он очень был взволнован.

Открывается III пленум ЦК союза госторговли. Знают ли об этом начальники главных управлений? Знают ли директора всесоюзных контор? Знают ли начальники отделов Наркомата?

17 октября 1938 года он написал следующий приказ всем подведомственным ему начальникам и директорам:

«Обязываю принять участие в работе III пленума ЦК союза госторговли.

Зам. народного комиссара торговли Союза ССР Шаров».

Приказ поступил начальникам и директорам 19 и 20 октября.

А начальник главка дорожных буфетов Востока тов. Романов до того разволновался, что тут же, не сходя с места, разослал 20 октября копию приказа заместителя наркома всем своим конторам.

Поехали кони по всем магистралям железных дорог...

А что делалось в это время на пленуме?

Ничего не делалось.

Пленум уже закрылся.

Недоумевающий

— Здравствуй, племя молодое...

ДОБРЫЙ МИША

(Детский рассказ)

К Мише в гости пришли Вова, Сеня, Сережа, Коля и Оля. Мама принесла десять яблок и сказала Мише: — Это тебе и твоим друзьям. Добрый Миша дал Вове и Сене по четыре яблока. Тогда он увидел, что яблок на всех не хватит. Все засмеялись, а Миша заплакал. Миша не умел считать: в тот день ему исполнилось только четыре года.

Вот такой Миша работает и в Наркомторге. Лет ему больше: он уже давно бреется, а считать не умеет.

Алтайскому крайсоюзу в IV квартале требовалось оконного стекла на 35 тысяч рублей. Так и было написано в заявке крайсоюзу. А Миши из Наркомторга послали на Алтай стекла почти в восемь раз больше, на 270 тысяч рублей.

Татарская республика просила стекла на 264 тысячи рублей. А Миши занаридали туда стекла на 500 тысяч рублей.

Читинский облосоюз стекла не просил совсем. Видно, осталось от прошлого квартала. Но и ему послали на 50 тысяч рублей.

В Калининскую, Ростовскую и Омскую области стекла было послано также много больше того, что ими требовалось.

А кое-каким областям стекла не хватает.

Вот какой умный Миша из Наркомторга! Это начальник отдела товарами Наркомторга Лихарев, и описанное выше распределение товаров называется у Лихарева планированием.

Мишин дядя

Га! Знакомые все лица

Недавно довелось мне побывать в Москве. Зашел в Наркомторг. Встречаю в коридоре своего старого приятеля — некоего Мельникова (вместе в Ленпромторге работали).

Ну, конечно, сколько лет, сколько зим, как да что.

— Где теперь? — говорю.

— Здесь, в Наркомторге.

Ну, поболтали. Только распрощались, встречаю своего старого приятеля, некоего Кируса (вместе в Ленпромторге работали).

Ну, конечно, сколько лет, сколько зим, как да что.

— Где теперь? — говорю.

— Здесь, в Наркомторге, в плановом отделе.

Ну, поболтали. Только распрощались, встречаю старого приятеля, некоего Николаева (вместе в Ленпромторге работали).

Ну, конечно, сколько лет, сколько зим, как да что.

— Где теперь? — говорю.

— Здесь, в Наркомторге, в плановом отделе.

Ну, поболтали.

Только распрощались, встречаю старого приятеля, некоего Переплетчикова (вместе в Ленпромторге работали).

Ну, конечно, сколько лет, сколько зим, как да что.

— Где теперь? — говорю.

— Здесь, в Наркомторге, в плановом отделе.

Ну, поболтали. Только распрощались, встречаю в коридоре самого товарища Орлова, Бориса Михайловича (вместе в Ленпромторге работали).

Ну, конечно, сколько лет, сколько зим, как да что.

— Где теперь? — говорю.

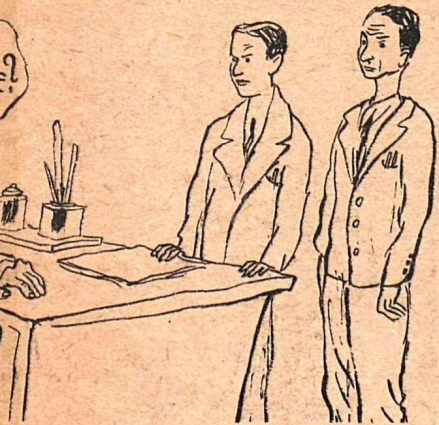
— Здесь, в Наркомторге, в плановом отделе. Руководжу им, этим плановым отделом, — говорит.

— Ну и как, справляетесь?

— Тяжеловато, — говорит, — да ничего, обща трудимся. Я, Кирус, Николаев, Переплетчиков, Мельников тоже (вместе в Ленпромторге работали)...

Ленинградец

естителю начальника отдела плодоовощей орга тов. Голубеву как-то пришли молодые стьы, работающие в этом отделе больше ме- обь разрешить служебный вопрос. Зам. па- в недоумении спросил: «Простите, а вы куда?»

ос, незнакомое!..

Р а е к

Здравствуйте, товарищи и друзья! Вот и снова к вам в гости я. Привет вам от деда Панкрата, его сестры, тещи и родного брата.

С первых же строк моего письма сообщу вам вещи интересные весьма. Про истории последние эти... ну, как его... в вашем Главводбуфете.

Нужно ли Главводбуфету готовить кадры? Надо! Хорошим кадрам мы всегда рады. Также считает и товарищ Буров, Главводбуфета начальник и о кадрах радетель и печальник. И вот он решил узнать, сколько предприятия должны на подготовку кадров отчислять. Запросил Наркомторг — гробовое молчание. Послал напоминание — ни звука. Вот так штука! Еще раз написал — Наркомторг воды в рот набрал. Словом, тринадцать раз писал он Наркомторгу — представьте себе, никакого толку. Никакого решительно!

А вот еще случай. И тоже мало утешительный. Нужно Главводбуфету получить справку эту... ну, как ее... об издержках обращения

по общественному питанию. Вопрос, требующий пристального внимания. Сенадцать раз писал Буров в Наркомторг. А там — как будто мертвецкая, как будто морт.

Тогда решили пойти на трюк. Так сказать, никакого мошенства, простая ловкость рук. Послали бумажку с пометкой «совершенно секретно». И немедленно получили ответ. И притом совершенно конкретный. От самого замнаркома товарища Шарова.

Ну, пока будьте здоровы! Рассказал я эту историю кой-кому в назидание. А засим до скорого свидания. Если будете мне писать, предупреждаю: в конвертах за семью печатями я не нуждаюсь; в пометках «совершенно секретно» — тоже ни-ни; не люблю я этого блеску, трескотни. Пишите без всяких финтифлюшек и ухищрений. У меня и так хорошее чутье и зрение. А сургучные украшения и наклейки оставьте для секретариата наркома.

Ну, значит, будем знакомы.

Ваш приятель — не бюрократ дед Панкрат

На птичьей дворе

«Курица по зернышку собирает, а сыта бывает», — гласит пословица. Вот эта самая курица служит недостижимым образцом и идеалом для наркомторговских плановиков. По этой нехитрой методе идет сейчас собиранье материалов к плану по общественному питанию на 1939 год.

11 октября у подведомственных хозорганизаций было затребовано зернышко номер один — план на тару и материалы. К 15 октября — второе зернышко — финансовый план; к 22-му — третье — план на спецодежду; к 25-му — четвертое — план на потребное сырье; к 28-му — пятое — заявка на инвентарь. Наконец, к 15 ноября велено было подать шестое зернышко — план по рабочей силе и фонду зарплаты.

Сыты ли теперь в отделе планирования, неизвестно. Может, сыты, а может, и не сыты. План, во всяком случае, еще не составлен. Зато поставщики наркомторговского птичьего двора определенно недовольны.

До сих пор организации общественного питания не получали указаний, как им составлять план выпуска продукции и план товарооборота на 1939 год. Неясно, как пойдет развитие сети. Вообще все неясно: занятые самокловом плановики об этом просто не подумали.

Конечно, с курицы что возьмешь? Курица — она так и есть курица и по своему положению вовсе не обязана разбираться в сложных проблемах планирования. Но образованным товарищам из планового отдела такое птичье легкомыслие совершенно не к лицу.

Просто удивительно, куда только смотрит главный птичник, сиречь замнаркома товарищ Шаров!

Почтовый ящик

Свой.

ГР—ВУ. В вашей статье вы пытаетесь касаться больших и важных вопросов, но делаете это трусливо и беззубо. Печатать не будем. Отослали в газету «Советская торговля».

ИГРЕКУ. Ваша заметка о том, что группа методологии планирования, возглавляемая тов. Медынцевым, бездействует круглые сутки, не будет напечатана. Не верим. Быть не может.

ТОБИАСУ (заместителю начальника планово-финансового отдела Главгастронома). В вашем письме в редакцию вы говорите о том, что вы не «нянька» и не обязаны «возиться» с молодыми

специалистами. Напечатаем. Пришлите вашу фотокартонку. Она очень нужна нашим карикатуристам для иллюстрации вашего письма.

В. Г. Стихи нуждаются в некоторых исправлениях. Так например вы рифмуете «Наркомторг» и «восторг». На сегодняшний день эта рифма не подходит.

БЕРГУ. Вы спрашиваете: о чем писать в газету? Пишите на любую тему. О том, что возглавляемый вами сектор капитального строительства провалил в этом году строительство овощехранилищ в Москве, не пишите. По этому вопросу у нас есть статья другого автора.

Диван

ДИВАН стоял в комнате, где жила Леля— дочь Людмилы Николаевны. Он был очень стар, вытерт, обивка его местами порвалась, и железные ребра угрожающе торчали наружу.

Садилась на него с большой осторожностью. Был даже участок, на который вообще садиться строго запрещалось, чтобы не волновать Мак-Магона— нервного фокса с черными бевскими глазами.

Дело в том, что пружины на этом участке под тяжестью тела стонали громко, протяжно и жалобно и Мак-Магон буквально захлебывался от сердитого пронзительного лая. Он, наверно, думал, что в диван забрался кто-то чужой. Леля часто забывала про запрет и, прибежав из консерватории, валилась на диван с беспечностью, свойственной молодости. Диван немедленно принимался стонать, а Мак-Магон лаял так, что, казалось, еще секунда и он вывернется наизнанку. В квартире поднимался страшный переполох: Людмила Николаевна тревожно звала Мак-Магона, а Григорий Наумович, лелин отец, бросал книжку научного журнала и, зажимая уши, трагическим басом кричал:

— Леля! Опять?

— Забыла,— смущенно оправдывалась Леля,— извини, папочка!

Одной рукой поглаживая стонущий диван, а другой— Мак-Магона, дрожавшего мелкой истерической дрожью, она шопотом умоляла обонх:

— Молчите!.. Тсс!.. Ну вас совсем!..

Тем не менее диван менять не собирались: к нему слишком привыкли.

Однажды Леля пришла из консерватории позже обычного очень веселая румяная и за обедом, размешивая соль в супе, небрежно сказала:

— Между прочим, предки, я вам должна сообщить новость: я выхожу замуж за Колю Петрухина с исполнительского факультета.

Новость была настолько неожиданной, что Людмила Николаевна тихо ахнула, а Григорий Наумович книжку журнала, с которой не расставался даже во время обеда, положил в тарелку с супом.

А через неделю все вошло в свою колею. Коля Петрухин с исполнительского факультета поселился в лелиной комнате, довольно быстро освоил технику сидения на старом диване и подружился с Мак-Магоном.

Вот тут-то и выяснилось, что нужен новый диван. Первой поняла эту очевидную истину Людмила Николаевна. Она вспомнила, что старый диван был куплен на второй день после ее свадьбы с Григорием Наумовичем, и, следовательно, есть все основания купить новый

диван. Она решила сделать подарок молодым и однажды с утра поехала по мебельным магазинам.

Побывав в пяти магазинах, Людмила Николаевна убедилась, что мебельные магазины торгуют главным образом этажерками. Этажерок было много, и они были всякие, на любой вкус: худощавые и длинные, приземистые и короткие, для книг и для ног, бамбуковые и сосновые.

Что касается диванов, то продавцы в ответ на вопросы Людмилы Николаевны лишь загадочно улыбались и говорили:

— Бывают и диваны! Вчера у нас было десять диванов, продержались пять минут!..

— У меня же дочь вышла замуж!— объясняла Людмила Николаевна.— Мне обязательно нужен диван. Понимаете?

— Понимаем!— отвечали ей.— Только, должно быть, у всех, гражданочка, нынче дочки замуж повыскакивали, все хватают диваны!

В конце концов Людмила Николаевна попала на рынок и там, у мебельной палатки, познакомилась с красноречивым сивоусым мужчиной, одетым в бобриковое потертое полу пальто, элегантно подпоясанное толстой веревкой. Звали его Фома Спиридонович.

— Вашему горю, мадам, можно пособить,— сказал он, поправляя веревку на своих апостольских бедрах,— дайте пятьерку аванса— я вам подкараулю диванчик. Все равно, я здесь с тачкой дежурю. Как привезут диваны, я мигом до вас слетаю и предупредю. Дозвольте узнать ваш адресок?

Людмила Николаевна сообщила ему свой адрес, дала пять рублей и ушла, проклиная себя за доверчивость.

«Теперь он нас обворует, этот Фома неверный!— размышляла она в трамвае.— Придет по адресу и обворует».

Дверь стали запирают на два замка и Мак-Магона перевели на жительство в переднюю. А через десять дней, когда Людмила Николаевна уже забыла про свое рыночное знакомство, утром раздался резкий звонок и в переднюю ввалился Фома Спиридонович в том же полупальто, подпоясанном веревкой, слегка выпивший и возбужденный.

— Бегим, мадам!— сказал он.— Только что привезли два дивана. Сиреневая обивка. Красота!

В палатке на рынке действительно стояли два красивых сиреневых дивана. С сильно боющимся сердцем Людмила Николаевна сейчас же села на тот, который стоял ближе ко входу, и сказала:

— Я беру этот диван.

Продавец мутно посмотрел на нее и пробурчал:

— Сойдите, гражданка. Пришлют с базы расценки, тогда будем продавать.

— Ничего. Я посижу, подожду...

— Может, их до вечера не пришлют.

— Все равно, буду сидеть!..

Прошел час. Людмила Николаевна сидела на диване настороженная, с застывшим лицом, крепко сжимала в руках сумочку с деньгами, ждала расценки.

Когда к дивану приближались покупатели, она нервно вздрагивала и говорила:

— Диван продан, граждане. Вы же видите, что я на нем сижу.

Продавец выходил из себя:

— Встаньте, гражданка. Может, расценку до закрытия не пришлют.

— Ничего, я посижу до закрытия!.. Фома Спиридонович, как вы кстати. Вот вам три рубля, купите мне, пожалуйста, какую-нибудь булочку.

Она просидела на диване до самого закрытия рынка, пять часов. Расценки не пришли.

— Фома Спиридонович, вам придется придти сюда рано утром и сесть на диван,— распорядилась Людмила Николаевна,— я приеду, а вы чтобы уже сидели!..

— Не беспокойтесь, мадам. Подсидим диванчик. Факт!..

Когда на следующий день, утром, Людмила Николаевна подехала к рынку, она увидела большую очередь. Сердце ее сжалось.

— Неужели за диванами?

— За газетами. Говорят, сейчас привезут.

Вот и мебельная палатка. Диваны на месте!.. На первом к входу сидел Фома Спиридонович, махал Людмиле Николаевне багровой лапшей:

— Сижу, сижу!.. Не извольте беспокоиться!..

Уплатили деньги, погрузили диван на тачку и поехали домой.

За небольшую доплату Фома Спиридонович согласился отвезти старый диван в палатку, скупавшую старую мебель. Мак-Магона заперли в ванную. Фома Спиридонович разобрал старца и по частям вынес его на улицу. Провожать старый диван в его последний путь вышла одна Людмила Николаевна. На минутку ей стало грустно, когда Фома Спиридонович, деловито сопя, стал обматывать диван веревкой. Но тут на лестницу выбежала Леля и звонко закричала:

— Мама!.. Мамочка!.. Иди сидеть на новом диване... Мы уже все сидим!..

— Спасибо!— ответила Людмила Николаевна.— Насиделась!..

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Кресло ППШ

(Из мира науки и техники)

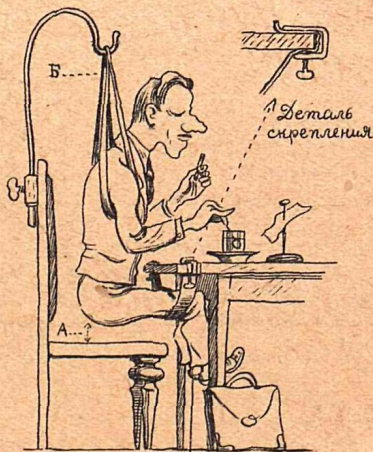
Удивительно неповоротливы наши фабрики, изготавливающие мебель! То есть они работают совершенно без учета требований современности.

Скажем, выпускаются обыкновенные канцелярские кресла. Этикие, представьте себе, обыкновенные сиденья, обыкновенные ножки, спинки и так далее.

Спрашивается: может ли человек на таком обыкновенном кресле сидеть 18 часов ежедневно? Не протираются ли брюки от такого сиденья? Не изнашиваются ли преждевременно шерстяные и хлопчатобумажные ткани?

Можно смело сказать: да, изнашиваются, да, протираются.

А изготовители мебели не задумываются над такими вопроса-

А — безвоздушное пространство
Б — сырая ткань

ми. Изготовители мебели не учитывают, что потребность в креслах иного порядка велика.

Все-таки, как ни говорите, а во многих учреждениях выработалась особая тенденция — возможно дольше сидеть на работе. Некоторые считают, что чем больше служащий сидит в своем учреждении, тем он более ценный и более нужный работник.

Через это некоторые люди ухотряются сидеть до глубокой ночи. И особо спешных дел, предположим, нету, а уйти—как-то оно неловко. Эвон, скажут, заторопился. Пошел, скажут, домой. Бросил, подумают, учреждение. И те, которые мечтают быть на отличном счету, те и сидят, и сидят, и не уходят. И, как мы изволили за-

метить, легкомысленно протирают ткани.

Наша научно-техническая консультация учла потребности некоторых учреждений. Силами наших сотрудников консультация придумала специальное кресло для любителей долго сидеть.

На рисунке видите, как пользоваться нашим изобретением и какие выгоды сулит сидящему наше кресло.

Это наше кресло мы назвали ППШ, что обозначает «кресло против протиравания штанов».

Просьба — обращаться прямо в нашу консультацию.

Учреждениям скидка.

Заслуж. деят.

М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

Штурмовики избивают немцев-неевреев, выступающих против погромов.

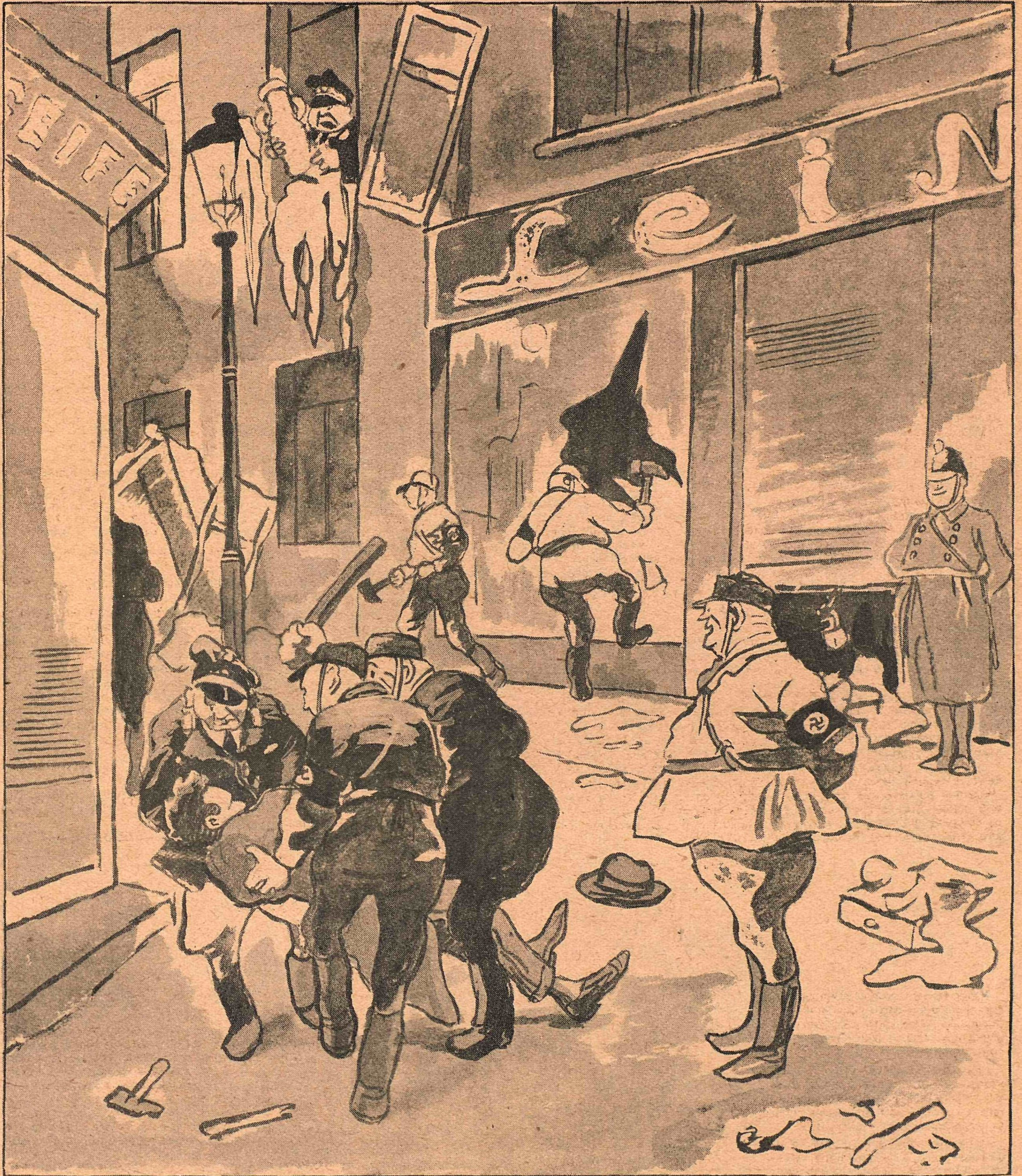

Рис. Л. Бродаты

ЗАБОТА

— Не переусердствуйте, ребята! Пусть все-таки останется у него в памяти наша раз'яснительная работа.

ОСОБЫЙ

РАЗЗУДИСЬ, ПЛЕЧО, РАЗМАХНИСЬ, РУКА!

Раззудись, плечо, размахнись, рука! «Бурят-Монгольская правда» объявляет кампанию самокритики.

В специальной статье, озаглавленной «О скромности», газета поднимает интересный вопрос: иные ответственные работники, видите ли, забывают, что необходимое качество большевика — скромность. Правильная постановка вопроса. Своевременная статья.

С интересом углубляемся в чтение статьи, дабы узнать фамилии тех товарищей, которые повинны в отсутствии скромности.

Вот на второй колонке первое упоминание о таком товарище. Кто же это? Какую должность занимает? Где работает?

Темна вода во облаках (на древнеславянском языке это выражение означало, что требуемые сведения засекречены). Критикуемый означен скромным псевдонимом: «Тов. Б.».

На следующей колонке самокритике преданы еще два анонима: «Тов. Н.» и «Тов. Х.».

А кончается статья фразой: «Нужно быть во всем подлинным сталинцем».

Вполне согласны. Но для того чтобы быть сталинцем, надо уметь проводить самокритику невзирая на лица.

А в редакции «Бурят-Монгольской правды», очевидно, на лица не взирают в буквальном смысле слова. От робости, от страха перед начальством не смеют взглянуть на лица критикуемых товарищей и потому орудуют туманными псевдонимами.

ЯЛТИНСКАЯ АНОМАЛИЯ

Давненько мы не были в Ялте. Поэтому нам неизвестно, как там дело обстоит с вопросами внимания к людям, чуткости и прочего такого. Но есть у нас данные предполагать, что в Ялте существует такая аномалия — большое скопление людей, неразливающих в своей работе, сухих и равнодушных.

Посудите сами. Весною этого года из Киева была направлена в ялтинский санаторий «Словати» товарищ Вахонина В. Н. Товарищ Вахонина была больна туберкулезом. Ехала она в Ялту, естественно, предполагая вылечиться. А приехала еще более больной. Почему? Потому что условия существования в санатории «Словати» просто безобразные; там и здоровый человек может получить кровохарканье...

Товарищ Вахонина — член профсоюза работников госучреждений. Когда она приехала в Киев в худшем положении, нежели уезжала, обком профсоюза обратился в ялтинскую прокуратуру с подробным описанием тех безобразий, которые повредили здоровью больной.

Как же на это ответил ялтинский прокурор? А вот как:

*Прокуратура Союза ССР
тов. Александровскому
Копия — Обкому Союза Госучреждений —
г. Киев*

Прокуратура г. Ялты сообщает, что факты, изложенные в жалобе Обкома союза Госучреждений о смерти гр-ки Вахониной — не подтверждены и по заключению представителя Наркомздрава, лечение было удовлетворительное.

Когда больная простудилась, установить, трудно, так как больная после душа была в кино, как это видно из показания мед. сестры.

*И. о. ПРОКУРОРА г. Ялты
(ХАРАХАШ)*

То есть исполняющий обязанности прокурора города Ялты крайне убедительно рассказывает о причинах смерти товарища Вахониной, которая жива и по сей день.

То есть оказывается, что исполняющий обязанности прокурора города Ялты Харахаш, по существу, — человек такой же равнодушный к людям и делам, которые ему доверены, как и руководители санатория «Словати».

А не много ли бюрократов и головотяпов на такой небольшой город, как Ялта? Не кажется ли это аномалией на сегодняшний день?

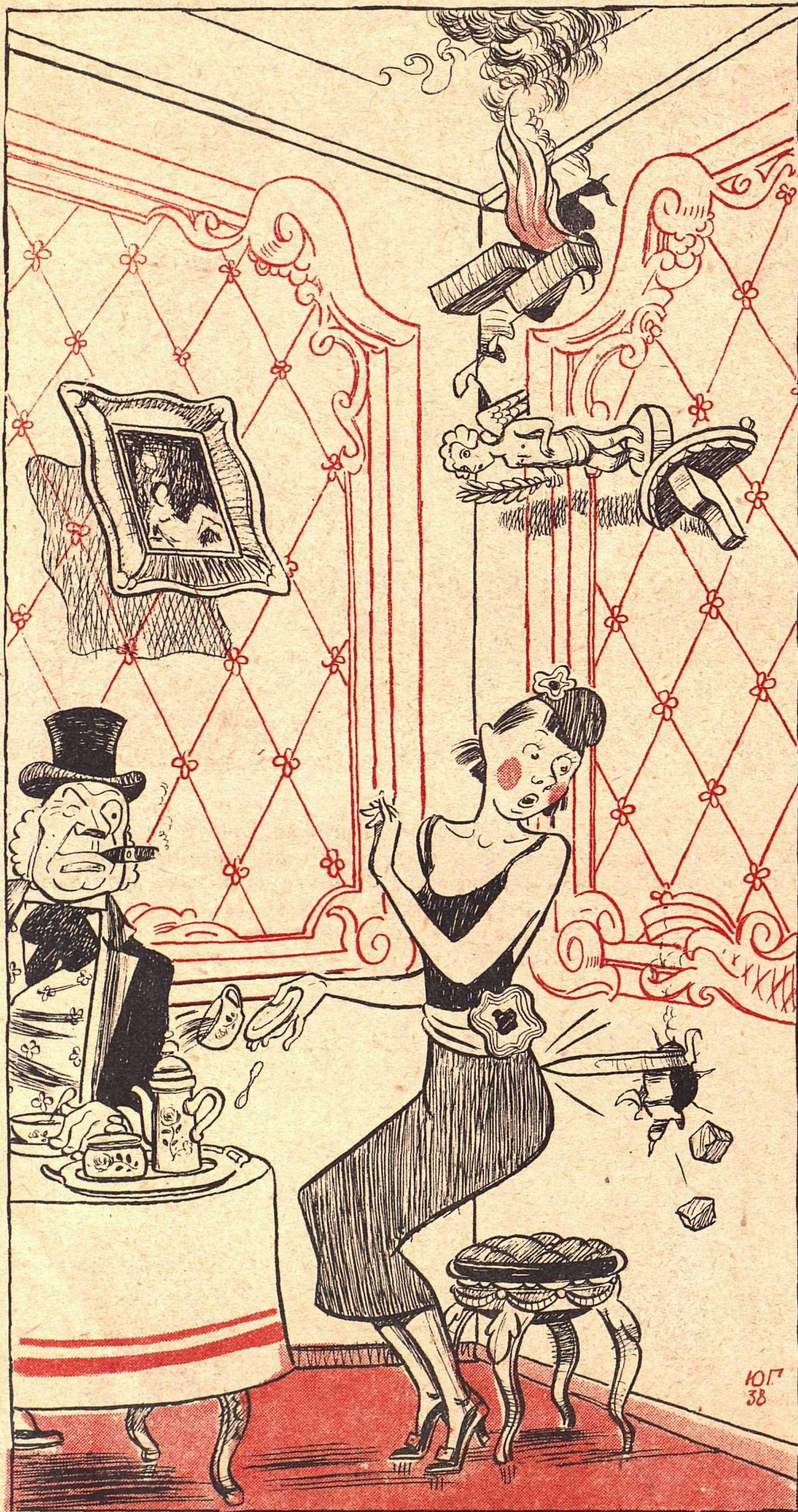

Рис. Ю. Ганфа

В ДОХОДНОМ ДОМЕ «ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА»

— Не волнуйтесь, мадам! Это наш арийский сосед устривается на новой квартире.

НЕ ЛЮБИТ!

Агенту по госпоставкам при Райуполнаркомзаг, Ниж.Салдинского района, Свердловской области, Тренихину С. З.

Нами получено из редакции журнала «Крокодил» Ваше письмо, которое Вы направили этому журналу. Приведенный Вами пример разнобоя в учетных данных Свердловской области мог бы Вами быть непосредственно разрешен в Управлении Учета нашего Уполнаркомзага...

...Мы считали бы более правильными, если бы Вы непосредственно занялись усилением заготовок, проверкой выполнения в отдельных хозяйствах, а не тратили свое время на переписку с сатирическим журналом. Из Вашего письма в «Крокодил» мы не видим, что делается у вас на месте для выполнения государству обязательств по зернопоставкам...

Начальник Управления заготовок Зерн. культур **ВИНОГРАДОВ.**

Как видите, не нравится тов. Виноградову, что работники Наркомзага состоят в переписке с Крокодилем.

Вообще говоря, мы не первый раз сталкиваемся с тем, что у некоторых товарищей наш журнал вызывает антипатию. И по какому-то странному капризу судьбы это почти всегда такие люди, которые имеют шанс попасть на страницы Крокодила.

Мы о тов. Виноградове из Управления заготовок зерновых культур ничего такого плохого не знаем. Но очень нас смущает, что Виноградов нас не любит. К чему бы это?..

С БАРАБАННЫМ БОЕМ

В августе этого года начальник строительства Каширского комбината Визирян уволил архитектора Гаркушу, который работал на строительстве. С этим увольнением несогласен главк, в ведении которого находится комбинат. Местные газеты тоже возражают против увольнения тов. Гаркуши. Вероятно, дело это разберут, и оно примет надлежащий оборот.

Но мы хотим поговорить не об этом. Нас заинтересовало то обстоятельство, что произошло это увольнение нижеследующим, мы бы сказали, грациозным методом.

«12 августа сего года, в 2 часа дня, во время работы,—пишут нам,—в помещение проектного отдела строительства Каширского комбината явился начальник бюро пропусков Чеботарев в сопровождении стрелка охраны и потребовал у работника проектного отдела архитектора Гаркуши Ю. А. сдать пропуск и немедленно покинуть территорию комбината. Угрожая в случае неподчинения вывести его силой, ссылаясь, что на это у него есть распоряжение директора комбината...»

Как видите, чуть что не с барабанным боем выводили... У нас намечается только одно требование к начальнику строительства Визиряну: когда тов. Гаркуша будет восстановлен на работе, пускай его введут на территорию строительства тот же начальник бюро пропусков и стрелки военизированной охраны.

НОВАТОРЫ

Нам неизвестно, кто именно в городе Сталинске (Новосибирская область) выступает в качестве словотворца. Продукт этого словотворчества не подписан именем гениального автора. Просто в местной газете «Большевистская сталь» напечатано объявление, открывающее синтаксису русского языка беспредельные возможности. Объявление гласит:

ПРИВИВАЙТЕ ДЕТЕЙ ПРОТИВ СКАРЛАТИНЫ.

Кратко, выразительно, смело до чрезвычайности!

Посильно подражая этому объявлению, предлагаем редактору газеты «Большевистская сталь» такой лозунг:

«Читайте редакторами номеров редактируемых газетах».

Рис. Н. Радлова

Когда же настала тысяча вторая ночь, она сказала: „Дошло до меня, о счастливый царь, что в окрестностях древнего города Бухары к концу второй пятилетки бывшие простолудины, пастухи и слуги, будут обладать несметными богатствами...“

И, услышав эти речи, повелитель правоверных вскрикнул от ужаса и потерял сознание.

Обыкновенная история

Поэт страдал, писал поэт
Прелестной девушки портрет.
Он о любимой деве гор
Восточной речи плел узор:
«Коса,—писал,—чернее ночи,
Уста — коралл, алмазы — очи,
Она бледна, она стройна,
Она... ну, словом, вот она!»

Был переводчик крут и лих,
По-своему прочел он стих.
И бывшей деве на позор
Он так расплел стихов узор:
«Усы,—писал,—чернее ночи,
Очки круглы, удобны очень,
Изящен эн...» Ну, словом, вот
Что с девой сделал перевод.

ОЛИВЕР СВИСТ

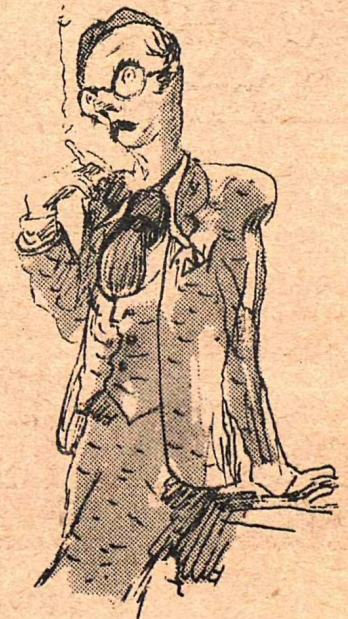
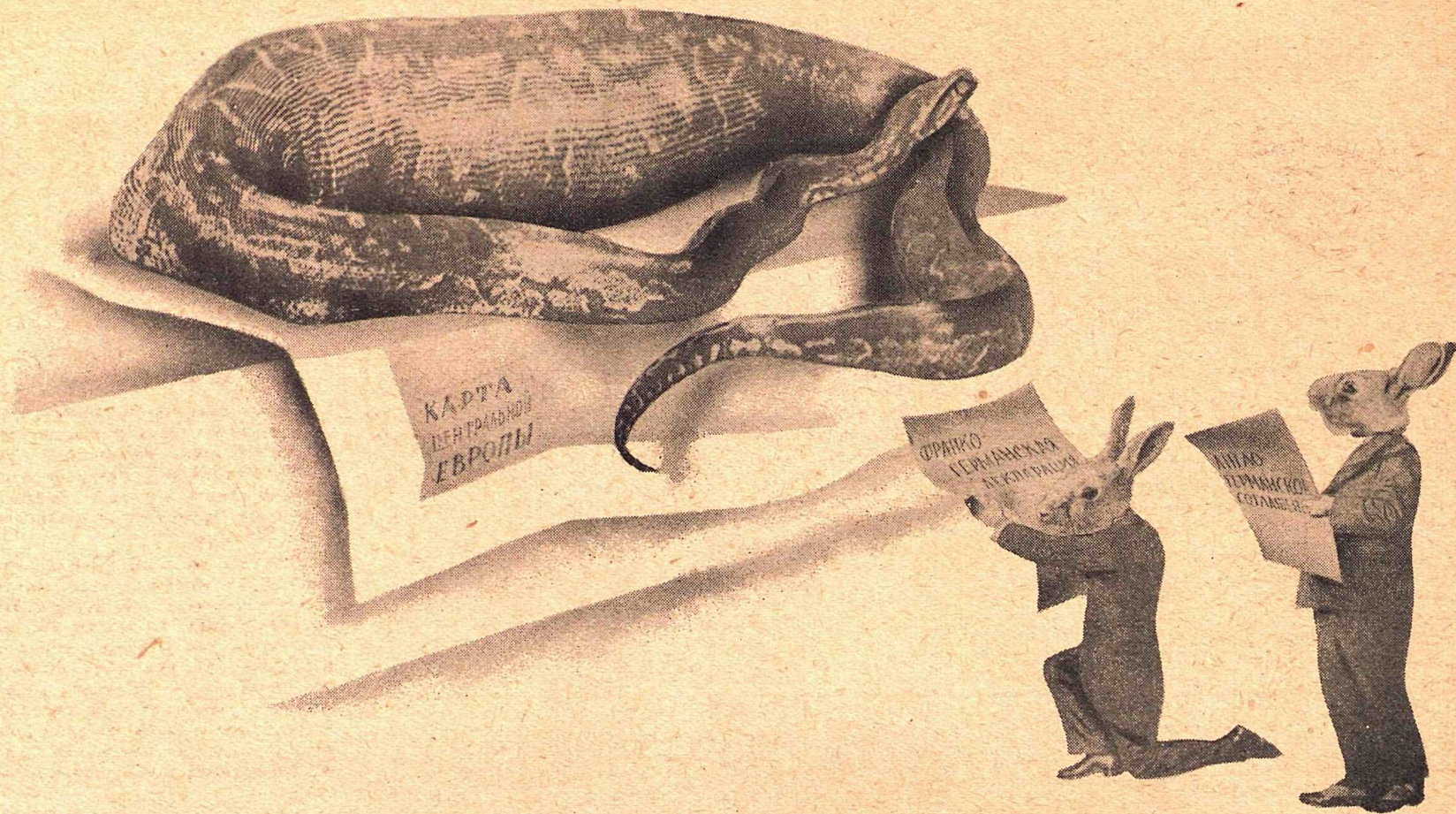

Рис. В. Горлева

Фотомонтаж Б. Клипча

АНГЛИЙСКИЙ ПОЛИТИК (французскому):— Пользуйтесь перерывом на пищеварение, коллега: давайте скорей на подпись.

П р и в ы ч к и

УПРАВЛЯЮЩИЙ трестом Махонин просматривал утреннюю почту.

— Розова и Пупкина! — приказал он взглянувшей в дверь секретарской голове.

Семеня ногами, вбежал плановик Пупкин, а вслед за ним вразвалку приплелся главинж. Особенно на него, на Розова, покосился управляющий.

— Кажется, солидный вы, — сказал он главинжу, — и, кажется, уважающий себя, а улыбаетесь как-то... беспечно. По-майскому.

— Что-нибудь случилось, Петр Порфирьевич? — осведомился Розов, перестроив лицо на серьезный вид.

— Вот! — тыча карандашом в одну из бумаг, буркнул Махонин. — Пишут из наркомата.

Подчиненные вытянули шею.

— Уведомляют о новом годе, — продолжал управляющий. — Сигнализируют о приближении 1939 операционного года... А мы что? — он укоризненно смотрел то на Розова, то на Пупкина и покачивал головой.

Главинж потупил подпухшие глаза и тяжело вздохнул.

— Ну, так как же смотрите на эту бумажку? — спросил Петр Порфирьевич.

— Разрешите догадаться, Петр Порфирьевич! — попросил хитро улыбающийся Пупкин. — В ней, очевидно, намекают о составлении заявок на нашу потребность в материалах в 1939 году.

— Вот то-то и оно-то! — подтвердил Махонин. — Забыли мы о них... А теперь в течение сорока восьми часов предлагается нам сообразить, как и что.

— Нам немного и надо-то их! — заметил Розов. — В час разыграем материалы...

— А Пупкин-то на что? — закричал плановик и постучал в свою грудь. — Пупкин-то?.. Я-то?.. Я никогда не упускал из виду приближение нового года... Со мной можно работать...

Пупкин выбежал из комнаты и скоро принес кипу заявок.

— Вот они, миленькие! — вдохновенно продолжал он. — Хотите познакомиться?

— Хочу, — ответил Махонин. — Небось, пи-

сали — жадничали. А я люблю, как толковый хозяйственник, чтобы материалов было вот, — управляющий провел по крахмальному воротничку и объяснил: — По горло. Читайте!

— Кто-кто, а я знаю ваш характер, Петр Порфирьевич! — сказал плановик. — Сейчас увидите, что нагородил всего... пропасть! Смотрите: Ивановскому заводу заявлено:

Цемента — сто пятьдесят вагонов, а ему требуется — двадцать.

Железа тоже перебухал. На триста процентов.

Меди ничего не требуется, а я заявил ее двадцать тонн... Здорово?!

— Медь-то зачем? — поинтересовался управляющий.

— Денем ее куда-нибудь, Петр Порфирьевич! — воскликнул Пупкин. — Только бы ее обосновать. Может быть, главинж это уточнит?

— Медь? — переспросил Розов. — Потребуется она... разве что для пожарного колокола: больше лить нечего.

— А вы придумайте! — попросил управляющий. — Вы главинж!

— Ладно! — согласился главинж. — Обоснуйте медь коррозионно-кислыми реакциями кислоты, сернисто-кислого марганца на ангидриды.

— Вот так загнул! — восхитился управляющий. — Даже во рту кисло. Под это дело требуйте пятьдесят тонн меди. Пригодится!

— Побежимовский завод, — продолжал читать Пупкин, — серебра просит. Сам просит. Но объяснений не прилагает.

— Серебра? — изумленно переспросил главинж. — Это — безобразие! Ведь это не медь, а серебро! Сколько просят?

— Тонну.

— Всего лишь? — вскричал Махонин. — Чего вы испугались? Две заявите!

— Он еще просит сто тысяч метров фланели, — сказал плановик.

— Удвойте! — приказал управляющий. — Фланель — это приятная ткань.

Заявочный список рос. Испрашивались благородные металлы, сотни километров рельсов, тысячи вагонов цемента и угля, миллионы

кубометров леса, миллиарды штук гвоздей, триллионы...

— Вот где пригодится высшая математика! — восхищенно сказал Пупкин. — Люблю планировать беспредельное... В этот момент чувствую себя гигантом, а не человеком в 162 сантиметра ростом.

А вдруг рассердятся на нас, — сказал Розов, — на гигантов, и дадут все это? Что тогда делать с этими материалами?

— Так не бывает! — обрезал управляющий. — Там знают, что у заявочных цифр надо нули отбрасывать. Запомните главное! Главное — это уметь просить, торговаться, требовать, доказывать... Научно доказывать. А это уж по вашей линии... — управляющий положил руку на плечо главинжа. — Наука не поможет — слезу пролейте! Да, да!.. Добивайтесь того, чтобы наши склады от добра ломились... Сосед будет поглядывать, слюнки глотать, а мы... нос ему покажем!

— Мол, сытый голодного не разумеет! — по добострастно присовокупил Пупкин.

— Обедать пора! — заключил управляющий и встал. — Несите заявки в наркомат!

В хорошем настроении приехал домой Петр Порфирьевич и сел за стол.

Жена ставила на стол новые тарелки, ножи, вилки...

— Это откуда? — изумленно спросил Махонин.

— Купила, Петер! — объяснила супруга (с тех пор, как она увидела кинофильм «Петер», Петр Порфирьевич стал именоваться Петером). — Похвастаюсь и другим. Купила тебе, Петер, дюжину галстуков, сотню воротничков, себе — десять пар подвязок... Пять коробок пудры «Фри-фри»... Заказала еще...

Петр Порфирьевич был подавлен.

— Ты что?! — глухо спросил он. — Зачем все это? Надо с ума сойти, чтобы делать эти глупые, ненужные, мешанские запасы, а?

Он встал.

— Нет, матушка! — заявил он. — Ты, как видно, никогда не изживешь этих бытовых запасов, надо прямо сказать, кулацких привычек!..

БОРИС АГАРОВ.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Не знаешь ли ты, в какую сумму может обойтись переход погрузочно-разгрузочных работ на... ручной способ? По опыту Молотовской пристани в городе Горьком скажу, что это стоит ровным счетом 175 тысяч рублей.

Здесь построили угольную эстакаду. На постройку ухлопали 175 тысяч рублей. Думали, вот теперь перейдут на механизированную погрузку. Но отдел капитального строительства Верхне-Волжского пароходства эстакаду построил так бестолково, что уголь попрежнему выгружают вручную из вагонов, высыпают на землю, набирают в мешки, вручную выносят на эстакаду, затем тачками возят на транспортёр.

Не правда ли, вся эта реконструкция могла стоить дешевле примерно на 175 тысяч рублей? Эффект был бы одинаковый.

А. БЛИДМАН

Москва

Дорогой Крокодил!

Сообщаю тебе, что недавно я, Михаил Федорович Полиенко, служащий, житель Днепропетровска, впал в детство.

Это событие произошло в камере днепропетровского нарсуда 1-го участка. Нарсудья Суровый своим приговором обязал меня платить алименты на содержание дочки Жанны и «хлопчика Михайло Федоровича, нарждения 31 септня 1932 р.». У меня нет и не было никакого хлопчика. «Хлопчик Михайло Федорович» — это я сам. Выходит, что я должен платить алименты самому себе.

Я просил нарсудью исправить эту нелепую ошибку, ходил к прокурору тов. Солдатченко — они и слушать не хотят. «Присудили, — значит, плати».

До сих пор я хожу в «хлопчиках» и плачу себе алименты. Тик сказать, сам себе папа.

М. ПОЛИЕНКО

Днепропетровск

Дорогой Крокодил!

Дети — цветы жизни, но детские тюфики — едва ли подходящий материал для украшения памятников.

Такая мысль невольно приходит в голову каждому, кто взглянет на могилу великого русского художника Ивана Константиновича Айвазовского, что в городе Феодосии, на берегу Черного моря.

Могилка Айвазовского забыта и запущена. Вместо роз и магнолий

предприимчивые тети из соседнего детского дома с благословения горсовета приносят к решеткам памятника тюфики и пеленки для сушки.

Гурауф,
Крым

Г. САТИРОВ

Дорогой Крокодил!

С недавних пор население села Ипатовского, Орджоникидзевского края, пребывает в постоянном страхе и беспокойстве. Причина этого беспокойства — крутой и завистливый нрав председателя райисполкома Швыдко.

Попалась на глаза Швыдко сделанная из оцинкованного железа крыша местного кинотеатра. Поправилась Швыдко крыша. Так поправилась, что однажды утром ее на театре не оказалось. Никого не предупредив, Швыдко распорядился крышу тихонько ободрать и тихонечко отпелти на другое место. И остался только что отремонтированный театр «гол как сокол».

Теперь в Ипатовском паника. А вдруг Швыдко понравятся местные, или колодцы, или какие-нибудь сельские пейзажи! И возьмут их, голубчиков, и отправят в другое место!

Караул, товарищ Крокодил!

А. ЯГАФАРОВА,

машинистка кинотреста

Ворошиловск,
Орджоникидзевский край

Дорогой Крокодил!

Знаешь ли ты игру для детей, которая называется «Свои соседи»? Все садятся в кружок, некоторое время сидят, а потом перебегают и меняются местами. Очень интересная игра для граждан до пятнадцати лет. Для госучреждений и предприятий не рекомендуется. А почему я об этом заговорил? Вот почему. Председатель райисполкома Бондюжского района, Татарской АССР, тов. Валеев выселил райздрав из помещения райисполкома. Выселил и сказал:

— Пускай райздравотдел переезжает в больницу.

Так. Допустим. Допустим, райздравотдел переедет в больницу. А больных куда? Больных тогда придется перевести в кабинет председателя Валеева.

Так. Допустим. А Валеева куда? Впрочем, это — не наше дело. Это пусть решают вышестоящие товарищи.

А. ИВАНОВ,

заведующий районным отделом здравоохранения
Поселок Бондюжский, Татарской АССР

Рис. Бор. Ефимова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ

- В последнее время мой муж совсем перестал петь.
- Что так?
- Да служба такая: он поступил в оперу.

Редактор — ИХ. КОЛЬЦОВ. Редакция: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40. Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-33; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 33 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 1192

Сдача текста и рисунков 21, XI—38 г.

Подп. к печати 2, XII—38 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—33709. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3202. Тираж 275 000 экз.

45
СВЯЗ. АЗЕРБАЙДЖАН
7 ДЕК 1938
Вос. Н. Палат. Получены

Княжеская Палата
11 ДЕК 1938
АРХИВ

СРЕДИ СТРОИТЕЛЕЙ

Рис. С. Герасимова

- Вот кончим мы с тобой институт и поступим на курсы повышения квалификации.
- Успеем ли? Там уже запись, говорят, заканчивается.
- Успеем... Институт почти готов... Завтра под крышу поведем...